Как делается революция

Важным моментом будет понимание роли спецслужб в революции. Разумеется спецслужб иностранных – и, разумеется с целью того чтобы понять, как им препятствовать в случае если они пожелают совершить нечто подобное на просторах нашего возлюбленного Отечества. Очевидным образом отечественные спецслужбы на участие в революциях в собственной стране не способны - как в силу особых моральных качеств, так и в силу элементарной нехватки квалифицированных кадров.

Что такое революция

Под революцией мы понимаем не вполне законный (или вполне незаконный) захват политической власти, который легитимизируется участием значительного количества случайных людей - «масс», «толпы», «народа» и т.п.

Впрочем, эти самые «массы» в наше время клиповой культуры и компьютерного монтажа не обязательно должны быть значительны. Однако пока ещё для создания минимальной убедительности требуются, как минимум, тысячи людей.

Мы достаточно подробно остановимся только на роли толпы, как наименее известной гражданам нашего Отечества. По остальным элементам революционных мероприятий на русском языке исчерпывающую информацию можно получить из сотен плохих и десятков хороших книг посвящённых технологии рейдерских захватов и ведению рекламных компаний.

Что может масса

Начнём с того, что реально *может* толпа.

Самая главная революционная способность толпы - это возможность громко и публично *выразить поддержку.*

Особенно хорошо, если эта поддержка выражается в знаковом, символическом месте. Тут ценно то, что, проходя - вопреки желанию властей - в символическое место (центральную площадь, правительственное здание и т.п.) толпа показывает своё право это делать. Многочисленное сборище (митинг, собрание) в знаковом месте - вне зависимости от его законности и даже красоты - выглядит достаточно убедительно для зрителей (= телезрителей = общественности).

Кроме этой «светлой» стороны ,толпа может делать и некоторые «тёмные» вещи, которые как правило, открывают дорогу к погромам, этнической и социальной ненависти и мести. К «тёмным» способностям толпы относятся:

- способность задержать отдельного человека;
- способность затоптать;
- способность разорвать.

В силу некой имманентной ущербности европейской цивилизации, она крайне негативно относится к «тёмным» способностям толпы, превознося «светлые». Из истории мы знаем, что европейцы всегда, как могли, чурались «тёмных» способностей толпы и изобрели массу вещей, позволявших им уклоняться от их использования. Всякий слышал хотя бы о греческой фаланге или стрельбе по-македонски[1]. Да и в наше время западная пресса, смакуя иной раз подробности революционных погромов, всегда избегает *демонстрации* приёмов, с применения которых эти погромы обычно начинаются. Итак, в интересах тех, кто принадлежит к упомянутой ущербной культуре опишем технику «тёмных» (с точки зрения европейца) действий толпы.

Для начала надо уяснить, что *толпа не может драться в прямом смысле этого слова.* Широко известны истории, когда один и тот же человек отделывался лёгким испугом и лёгкими телесными повреждениями от разъярённой толпы в сотню человек, был сильно побит десятком нападающих и искалечен тремя-четырьмя. Дело в том, что неорганизованная масса (толпа) больше мешает каждому своему участнику по отдельности, чем помогает. Заведённый ощущением того, что «разом нас богато» («сейчас нас много»), каждый толпящийся норовит поскорее ударить: никому не хочется упустить

момент. Естественно как только площадь бьющих поверхностей превышает площадь цели, бьющие начинают сталкиваться между собой, вместо того, чтобы бить по цели. Короткие траектории ударов не позволяют разойтись по дороге к мишени. Толпящиеся занимаются расталкиванием друг друга — то есть фактически защищают цель от своих товарищей. Естественно чем больше народу, и чем больше он возбуждён, тем безопасней для цели.

Поэтому толпа не может и не должна драться. То есть драться толпа не может, но зато она может очень хорошо *бороться.* Везде, где принято собираться агрессивными толпами, это прекрасно знают и используют.

Итак, начнём с *задержания толпой.* Суть этого приёма элементарна: завалить телами. Многократно проверено экспериментально — никакие навыки рукопашного боя, никакие физические кондиции и даже неавтоматическое огнестрельное оружие не работают против заваливания телами. Толпа может иметь потери (в случае огнестрельного оружия, даже и больше одно-двух человек), но одиночка *всегда* будет задавлен. Сомневающиеся легко могут проверить это в спортзале.

У одиночки против задержания толпой есть только один действенный контрприём: чем-то напугать толпу чтобы иметь дело не с лавиной тел, а с наскоками наиболее храбрых одиночек. От таких наскоков есть шанс отбиться, и не только при помощи оружия, но в отдельных случаях и руками.

Способность затоптать является производной от задержания толпой. Только вместо того, чтобы вязать заваленного одиночку, участники толпы проходят по нему.

Такая же производная от задержания массой и способность толпы разорвать одиночку на части. Это действие требует от толпы наибольшей степени эмоционального напряжения и является довольно редким при спонтанных вспышках народного гнева. Чтобы толпа начала рвать людей на части, обычно требуется некоторый период предварительного науськивания и возбуждения.

В случае, если масса хочет разорвать одиночку на части, каждый участник толпы стремиться схватиться за него и отбежать в сторону как можно быстрее (не отпуская захват). В результате складывается чудовищная сумма разнонаправленных сил. Люди европейской культуры, разок увидев действие такой суммы разнонаправленных сил на плотно сшитом мешке с тряпьём в спортзале, обычно пожизненно избегают агрессивных толп.

Государственная система противодействия толпе

Нельзя не отметить того, что государства ещё в конце девятнадцатого-начале двадцатого века научились справляться с толпами.

Технологии противодействия восстанию масс, точно так же как и все прочие методики работы с толпой, сначала обкатывались в колониях, а затем переносились на почву метрополий. То есть мировому опыту уже более ста лет. С появлением современных средств связи и обработки информации государство стало практически неуязвимо.

Однако революции всё же пока случаются. Чтобы понять почему они всё ещё возможны, необходимо в основных чертах ознакомимся с государственной системой противодействия.

Приём первый: не допустить сбора

Самый первый, можно сказать - приём номер ноль противодействия толпе. Не дать толпе собраться.

Государство просто изымает всех возможных лидеров, организаторов и даже элементарно возбудимых решительных лиц, способных подать дурной пример задолго до того, как они успевают собраться в толпу. Особенно удобно это делать, когда толпа собирается из разных городов: тогда изъятие лидера в ходе его переезда из одного города в другой практически исключает возможность сбора толпы для того, чтобы его отбить. Тех лидеров, за которыми не уследили по месту их постоянного пребывания, изымают путём выставления засад на путях к предполагаемому месту сбора. Короче - к расчётному

моменту начала выступлений масс (для краткости будем обобщённо именовать их «демонстрация») толпа оказывается без дееспособных или самостоятельных лидеров. Разумеется, любое, даже самое захудалое современное государство знакомо со всеми актуальными и потенциальными лидерами толпы примерно с того момента как они заказывают вторую-третью крамольную книгу или второй раз громко ругают правящую элиту (не путать с правительством). Наивные люди, пытающиеся себя уверить, что это не так, должны обратить внимание на те чудовищные объёмы денег и человеко-часов, которые многие, даже третьеразрядные государства тратят на то, чтобы убедить обывателя в своём бессилии.

Тут мы немного забежим вперёд и сразу скажем, что на этот приём государственного противодействия массе у революционеров есть самые действенные контрприёмы. Чтобы не допустить разрушения толпы на этапе сбора, революционеры могут довести до правящего режима следующие вещи: «в большинстве первоклассных стран толпам разрешено собираться» - чтобы показать высокую степень свободы и выпустить пар, «данная конкретная собирающаяся толпа не настолько опасна, как кажется», «толпа собирается не с целью свержения существующего режима».

Почему революционерам удаётся быть убедительными в этих утверждениях? Дело в том, что спецслужбы располагают вызывающе огромным объёмом информации. Например, они фактически имеют монополию на мало-мальски правдоподобные данные о численном составе социальных групп и их географическом размещении. То есть у них возможность составить грамотную статистическую выборку. В тоже время фактически никто, кроме них, не владеет ноу-хау проведения массовых опросов без заметного воздействия содержания вопросов на характер ответа интервьюируемого. Зная, как публичные социологи получают достаточно правдоподобные прогнозы, составляя выборки на основе кривых данных переписей и социальных служб, с опросчиками, достающими интервьюируемых по самое не балуйся, мы можем понять разницу в качестве. Кроме того, спецслужбы рутинно на регулярной основе обрабатывают огромные массивы данных полученных электронными способами. Про опросы экспертов - включённых наблюдателей и прочее подобное можно даже и не упоминать. Всё это создаёт впечатляющий пакет очень близких к правде прогнозов социального поведения, которым правители приучаются верить без сомнения. В решительный момент революционерам достаточно чуть-чуть стилистически поработать над формулировками - и даже самый информированный человек поверит, что опасную демонстрацию легче допустить или, простите за каламбур, дешевле демонстративно разогнать, чем разбирать на стадии сбора.

Приём второй: кризисный информационный центр

Как только становится ясно, что надвигаются события, которые потребуют немедленного реагирования и отсутствия бюрократизма, правительство государства или кризисного региона создаёт информационный центр.

Центр нужен для того, чтобы суметь (успеть) использовать самое важное и одновременно самое неповоротливое оружие государства — тайную агентуру и другие специальные средства работы с обществом.

В норме в любом, даже самом маленьком государстве, имеются минимум три специальные службы (обычно намного больше). У этих служб есть самые веские основания скрывать информацию друг от друга, собирать сведения друг о друге и даже мешать друг другу. Однако в революционной ситуации, когда речь идёт о выживании всей Системы, они должны работать вместе.

Чтобы не нарушать структуру сообщества спецслужб и не создавать утечек, создаётся кризисный информационный центр. Этот центр состоит из представителей абсолютно всех организаций, тем или иным способом получающих свежую информацию на территории, где происходит кризис. Если местная власть располагает какими-либо возможностями сбора или анализа информации в реальном времени, её проверенные представители также включаются в состав центра. Задача каждой организации, пославшей

своего представителя в информационный центр, как можно скорее передавать этому представителю любые данные, которые могут иметь хоть какое-то отношение к развитию кризиса. В свою очередь представитель спецслужбы в информационном центре немедленно «выкладывает эти сообщения на стол». При этом представитель говорит от своего лица, не указывая конкретный источник, лишь иногда оценивая степень его надёжности. Задача дежурного руководителя центра понять - кому из участников карательной операции эта информация нужна (и нужна ли она кому-либо вообще) и немедленно передать её всем заинтересованным лицам, а также руководству операции. Информационный центр может быть частью кризисного штаба, или он может прямо подчиняться лицу ответственному за ликвидацию кризиса. В отличие от штаба и всех прочих управленческих элементов, информационный центр такой же неотъемлемый элемент успешной карательной операции, как и *единоначальный ответственный* за ликвидацию кризиса.

Приём третий: «космонавты».

«Космонавтами» мы для краткости будем называть особые полицейские части, специальным образом экипированные для разгона толп.

Как минимум они имеют шлемы, щиты, бронежилеты и резиновые дубинки. Обычно это дополняется поножами и налокотниками. Кроме того, во взаимодействии с такими подразделениями (или вместо них) применяются различные тяжёлые спецсредства. Мы не станем входить в подробности и будем все их обобщённо называть «водомёты» или «водяные пушки». Однако надо иметь в виду, что обычно с теми же целями (в зависимости от ресурсной обеспеченности и политического стиля правящего режима) применяются как минимум безоболочечные фугасы (для удара воздушной волной на рубеже безопасного удаления), светошумовые гранаты и мины, боеприпасы со слезоточивым и рвотным газом. В очень богатых странах, кроме перечисленных есть ещё различные другие «нелетальные» средства воздействия на толпу, способные причинить большой массе людей страдания достаточные для того чтобы они отказались от любых радикальных намерений. Заметим что «водомёты» используются либо для поддержки «космонавтов» (наподобие тяжёлого оружия в обычной войне), либо в тех местах, где не хватает «космонавтов» для защиты важного объекта или прохода.

Понятно, что организационно «космонавты» в соответствии со спецификой конкретного государства могут относится к полиции, армии, национальной гвардии (внутреним войскам, народной вооружённой полиции) и т.д. Даже ко всем этим структурам сразу (сводные части). Способ работы них всё равно будет один и тот же.

Задача «космонавтов» - непосредственное силовое противодействие толпе.

«Космонавты» действуют строго по двум вариантам:

- если толпа оценивается как способная на решительные действия — рассечь на части, затем задержать и разогнать;
- если толпа нерешительная или существует угроза возникновения давки — медленно вытеснить из общественно-значимых мест и склонить к отказу от радикальных действий (заставить разойтись).

Варианты могут комбинироваться в любой последовательности и масштабе в зависимости от настроения толпы и условий местности.

Почему действия «космонавтов» всегда должны быть успешны? Конечно, потому что «космонавты» и «водомёты» отнюдь не самая главная часть мероприятия по разгону толпы. Самое главное то, что **лицо, ответственное за разгон толпы, управляет в первую очередь не «космонавтами», а самой толпой.**

Как это делается? Руководитель карательной операции заранее имеет планы всех мест где могут собираться массы. Число таких мест в любом городе может быть велико, но всегда строго определено и ограничено (площади и пустыри, также попадаются пригодные для сборищ парки и скверы). На каждое такое место имеется заране подготовленный план на котором обозначены:

1. расчётное время выхода толп различной численности и эмоционального состояния с этого места на все основные политически значимые объекты;
2. наиболее выгодная геометрия деления толпы на квадраты (об этом чуть позже);
3. рекомендации по улучшению геометрии деления толпы на квадраты при помощи временных ограждений и автотехники;
4. коридоры, в которые надо гнать толпу, чтобы исключить организованное сопротивление с её стороны;
5. наиболее выгодные места для изъятия лидеров и опасных участников толпы (об этом поговорим при описании следующего приёма).

Ещё до того, как масса собралась, руководитель карательной операции делит площадь сбора толпы на квадраты (реже сектора) неравного размера. Размер квадрата зависит от формы площади и предполагаемой плотности толпы. Он рассчитывается так, чтобы все находящиеся в квадрате могли видеть-слышать полностью или частично действия одного или двух сотрудников в штатском отвечающих за этот квадрат.

Квадраты могут задаваться и строем сотрудников. В этом случае толпа как бы заполняет промежутки между сотрудниками выстраивающимися определённым образом (обычно применяется на протяжённых участках движения демонстрации, где возможен сбор толпы за счёт подхода всё новых и новых участников). Эти сотрудники имеют незаметные со стороны средства связи. Получив команду по радио, они резко и синхронно совершают истерические действия, «заражающие» толпу. Самый распространённый способ применения таких сотрудников — это провоцирование паники (обычно сразу после начала атаки «космонавтов» или применения «водомётов») и направление бегущих в заранее рассчитанные коридоры. Главная заслуга работающих таким образом сотрудников перед человечеством - это отсутствие давки и минимальное количество жертв при разгонах.

Другой распространённый вариант — фальшстарт нападения толпы на «космонавтов», позволяющий сбить порыв массы и исключить последовательное «заваливание телами» наиболее слабых бойцов правопорядка в строю.

Организационно такие сотрудники обычно относятся к службе наружного наблюдения (слежки) полиции, но возможны самые разные варианты (сотрудники спецслужб, агентура, добровольцы из числа фанатиков правящего режима) в зависимости от региональной специфики. На этих сотрудников или на действующие также негласно параллельно с ними отдельные группы возлагаются и другие задачи:

1. нанесение меток на одежду особо опасных активистов (лидеров помечают заранее), для этого обычно используются специальные составы невидимые невооружённым глазом, надрезы одежды обусловленной формы и расположения, а также видимые обычным глазом пятна;
2. сбор в реальном масштабе времени сведений о состоянии толпы;
3. видеодокументирование преступных действий и намерений;
4. внесение сомнений во взгляды участников толпы;
5. вброс лозунгов и идей;
6. содействие в задержании лидеров и активистов.

Как тайные участники карательной операции оказываются среди враждебной им толпы? Ну, во-первых они пользуются неорганизованностью сборища и приходят явочным порядком (те же сотрудники наружного наблюдения).

Во-вторых в условиях угрозы серьёзного кризиса объявляется мобилизация агентуры. Что это значит? Значит – лица, хоть как-то могущие быть полезными оппозиционерам приходят и стараются быть полезными. Если объявляется запись добровольцев — записываются в добровольцы, если нужна какая-либо материальная помощь — приносят эту помощь, если нужно сделать что-то трудное или непривычное для оппозиционеров - приходят и делают, и т.п. Под итог в развитых странах в агрессивной толпе **до трети состава могут составлять негласные участники карательной операции.**

Приём четвёртый: спецназ
Спецназ — это подразделения получившие усиленную подготовку по ведению ближнего боя («спецтактике»).
Если вынести за скобки ближнюю охрану особо важных объектов и лиц, *единственная* задача спецназа в карательной операции - это задержание лидеров и особо опасных активистов толпы с последующим конвоированием в места фильтрации. Когда «космонавты» рвут толпу, спецназ входит в разрывы и задерживает помеченных, а также тех, кого узнают по ориентировкам. Толпа начинает рассеиваться, а спецназ уже ждёт на путях отхода (включая подземелья и крыши). В этом случае спецназовцы могут быть одеты в штатское, чтобы не привлекать лишнего внимания. Если позволяет численность, то рядом с группами задержания, а также в наиболее уязвимых местах, дежурит резерв спецназа на машинах. В случаях, когда заранее известно, что кто-либо из намеченных к задержанию танцует лезгинку на уровне Николая Валуева, то он предварительно получает удар электрошокером или порцию газа от кого-нибудь из тех мнимых соратников, кто бежит рядом с ним. Прорвавшихся участников толпы — ловит резерв.
Приём пятый: альтернативная толпа
Задача альтернативной толпы - лишить демонстрантов монополии на представление воли народа.
Альтернативная толпа может быть набрана из кого угодно (вплоть до военнослужащих, переодетых в штатское). Главное - она не должна словом или внешним видом вызывать прямых ассоциаций с правящей элитой.
Для альтернативной толпы желательно также «шуметь» (максимально привлекать к себе внимание, убедительно демонстрировать своё несогласие с позицией оппозиционных демонстрантов).
При дееспособном контроле работающих в стране журналистов для успешной реализации идеи альтернативной толпы достаточно собрать военнослужащих, переодетых в штатское, а затем разбавить их пенсионерами и семейными парами с детьми (жертва детьми убеждает *любого* зрителя в идейности). Участники должны быть проинструктированы каким угодно способом показывать свою враждебность оппозиции и ничем не обнаруживать связей с властью. За попадание в кадр новостей назначается стократная премия.
Реализация этого простого сценария позволяет государству из участника конфликта превратиться в объективного судью «над схваткой» мудро разрешающего спор неразумных граждан и удерживающего от эксцессов обе стороны.
Приём шестой: уголовные бесчинства
Конечно, бесчинства, погромы и прочий «криминальный шлейф революции» относится скорее к арсеналу приёмов революционеров, чем контрреволюционеров. **Нет лучшего способа спрятать белые нитки, которыми шьются официальные версии революционных событий, чем замазать их грязью.**
Однако своевременное упреждающее разворачивание «криминального шлейфа» может быть эффективным инструментом и в руках контрреволюционеров.
«Своевременное» здесь означает то, что массовая уголовщина должна случиться *до* начала движения толпы против государственных целей. В этом случае часть толпы отвлечётся на внезапно открывшиеся доступные корыстные возможности, а часть бросится спасать свои имущественные и семейные интересы.
Приём седьмой: снижение авторитета толпы
Вообще-то дискредитация всех потенциальных смутьянов до состояния исключающего представление их выступлений в любых СМИ как народной революции вопрос не одного дня или даже года. Да и не одной пропагандисткой компании. Однако слишком злоупотреблять такой пропагандой опасно, так как круг записываемых в потенциальных смутьянов имеет тенденцию к неопределённому расширению и в результате можно

довести общество до всеобщего недоверия и потери дееспособности. Гораздо безопаснее держать наготове в тревожной папке несколько сюжетов, с разных сторон показывающих неприглядные стороны основного мобилизационного ресурса оппозиции (обычно это жители столицы).

В этом случае оппозиции для большей убедительности придётся привозить значительную часть демонстрантов издалека, что существенно облегчает работу карателей.

Приём восьмой: ограничение финансирования

Удушение оппозиции безденежьем тоже скорее долговременный приём. Однако далеко не все государства имеют даже физическую (не говоря уже о политической) возможность держать каналы финансирования оппозиции перекрытыми в течении нескольких лет или месяцев. А для того, чтобы безденежье начало сказываться на состоянии имеющего серьёзные внутренние корни и накопившего резервы движения, необходимы именно такие сроки. В случае, если уровень жизни населения в среднем достаточно высок, то вялотекущий оппозиционный процесс может затянуться на десятилетия.

Гораздо проще поставить денежные потоки оппозиции под постоянный контроль. Затем буквально за часы до начала закупок средств на решающие демонстрации деньги или ценности предназначенные для этого необходимо изъять. В случае удачного изъятия большей части финансовых накоплений (тут опять очень может пригодится «криминальный шлейф революции») оппозиционеры будут деморализованы, и, возможно, даже не смогут вообще собрать толпу.

(Окончание следует)

---

[1] "Стрельба по-македонски» , то есть стрельба из двух пистолетов удерживаемых скрещенными перед грудью руками в двух противополжных направлениях, появилась как отчаянная реакция македонских революционеров на широкое применение турецкими властями задержания толпой.

Контрприёмы против государственной контрреволюционной системы

Начиная говорить о революционных способах блокирования государственных контреволюционных приёмов, надо отметить пару важных для понимания сквозных моментов.

Первое - это то, что **революция это по сути всем известная «договорная война», «договорной матч».** Типа пресловутой «борьбы с терроризмом».

Однако в связи с тем, что в революционных демонстрациях принимает участие значительное количество случайных людей, революция нуждается в особо мощном пропагандистком обеспечении. В самом деле, те же террористы обычно хоть как-то вооружены и имеют какую-то (возможно даже сопоставимую с государственными силами) подготовку. Тем более в террористы обычно попадают амбициозные люди с развитым воображением. Внушить таким людям, что у них «всё у самих само получается», в общем-то, нетрудно. Другое дело - революционные демонстранты, которые могут легко оказаться даже пенсионерами и инвалидами. Такие люди могут засомневаться, когда им предложат поверить, что могучая госмашина развалилась только завидев их на горизонте. Опять же, они могут быть склонны к сочинению мемуаров и бесцельному любопытству.

Поэтому чтобы избежать огласки излишне детальных подробностей революции её приходится дополнять террором, беспорядками и репрессиями. Чтобы отбить всякую охоту излагать версии революции, несозвучные официальной.

Иные разновидности «договорных войн» ведутся менее болтливой публикой. Именно потому за ними и нет такого шлейфа ужасов и замалчивания.

Другой несколько менее заметный, но не менее важный момент. Из контрприёмов, о которых мы сейчас будем говорить при желании легко выделяются **чисто организационные, аппаратные бюрократические действия.** Эти действия также нуждаются в серьёзном прикрытии, так как, если обращать внимание на их роль в истории революции, можно легко прийти к нежелательным для революционеров-победителей выводам. К слову, в случае неудачи революции любой мало-мальски жизнеспособный режим жестоко наказывает всех замеченных в применении таких приёмов бюрократов. Поскольку же официально судить за то, что формально является лишь проявлением аппаратного идиотизма обычно затруднительно, наказания принимают трагический и таинственный характер.

Ну а теперь собственно о том, как революция преодолевает казалось бы неотразимые приёмы государственной контрреволюционной системы.

О том как легко спецслужбы обходят необходимость разбирать революционные демонстрации ещё на этапе сбора, мы уже говорили. Теперь о прочем.

Как нейтрализуют информационный центр

Самый простой способ противодействия — это *не создавать* такой центр.

Конечно, этот способ самый эффективный, но и самый рискованный. Мало какой, даже самый прогнивший режим легко поверит, что, к примеру, министр внутренних дел противодействует созданию органа кризисной координации спецслужб, не будучи при этом революционером (как оно обычно и бывает).

Поэтому чаще используют более простые методы.

Не дают информацию. Два основных способа не давать информацию это «боязнь раскрыть источник» и «включение дурака». С «боязнью раскрытия источника» всё элементарно — информацию просто замалчивают, а ссылку на опасение раскрытия источника вытаскивают в случае начала разбирательств, возникновения подозрений. Из той же серии кстати и «не дозвонился», «сбой связи», «внезапно заболел».

«Включение дурака», как это ни странно звучит, несколько сложнее. Суть контрприёма в том, что для работы в или с информационным центром выделяют специальных, проверенных *настоящих идиотов.* Которых идиотов и терпят длительное время в кадрах спецслужб, даже специально выращивают и выстраивают им карьеры *исключительно* ради таких революционных ситуаций. Неплохо годятся для этой роли алкоголики и наркоманы, которых также волшебным образом сохраняют в кадрах вопреки всем медицинским проверкам и аттестациям.

Не стоит недооценивать и такой «детский» приём, как установка в информационном центре неисправной оргтехники или программного обеспечения. Его применение вполне оправдано, если у революционеров есть наготове безупречные с точки зрения аппаратной логики и психологии объяснения такого, казалось бы, явного вредительства.

Парализовать информационный центр, то есть фактически лишить режим основной контрреволюционной силы — тайной агентуры, это почти половина успешной революции. Тем не менее для успеха необходимо ещё и эффективно применить собственную революционную агентуру.

Как справляются с «космонавтами»

Простейший способ ослабить какую-либо силу - это разделить её на части.

С «космонавтами» (да и шире — с любыми военнизированными силами) для раздробления применяют крайне изящный приём. Это создание так называемых псевдосводных подразделений (частей).

Дело в том, что для того чтобы сводное подразделение (часть) успешно работало, надо, чтобы в его основу была положена готовая командная вертикаль уже слаженной боевой единицы. На эту вертикаль можно нанизывать какие угодно подразделения усиления, выводить из состава и даже перемешивать личный состав, но пока существует слаженная вертикаль, боеспособность будет сохранятся.

В своих целях революционеры разумеется делают всё наоборот. **Подразделения произвольно складываются в кучу.** Вопрос «кто главный?» намеренно остаётся без однозначного ответа. Иной раз разные начальники (например, командир и его начальник штаба) отдают взаимоисключающие приказания, то есть назначают командовать одной сводной частью двух разных (желательно даже из разных ведомств) офицеров. Причём очень важно следить чтобы ни одно из сводимых подразделений не имело заметного превосходства над другими ни по качеству, ни по численности. В случае, если есть превосходство по качеству или численности, вертикаль может возникнуть явочным порядком, а этого нужно избежать.
Совершенно замечательно тут то, что для предотвращения революции без сводных частей практически невозможно обойтись. Зачастую для разрешения кризиса приходится свозить «космонавтов» со всей страны. Тут для революционного творчества открываются широчайшие возможности. В случае, если у революционеров есть доля в организации перевозок, то возможно даже при прибытии крупных слаженных континентов нарезать и разместить их по всему городу в виде сводных частей с подразделениями значительно худшего качества. Со стороны это всегда выглядит как «вынужденная мера реагирования на объективные трудности с транспортом».
Для революционеров также важно **приучить толпу к «космонавтам» и «водомётам»,** чтобы в решающий момент демонстрация сумела не испугаться и прорвать любые заслоны перед политически значимым объектами. С этой целью толпу постепенно приучают к виду «космонавтов» и показывают их человекоподобие. Толпа должна отвыкнуть видеть в "космонавтах" неуязвимых чёрных ангелов на защите режима.
Хороший способ показать что "космонавты" такие же люди (и также уязвимы) как и толпа это "братание", "полиция с народом" или хотя бы обычные разговоры "за жизнь". Упрощение процедуры "братания" - вторая важнейшая причина, почему в толпе должны быть женщины, дети и старики (первая - **заводить мужчин и принуждать стыдиться своего страха**).
При этом не стоит думать, что братание помешает толпе, когда придёт срок, пойти вразнос. В нужный момент толпа всё равно заведётся, "братание" не будет препятствием (при наличии достаточного числа революционных тайных агентов в толпе и последовательным применении других революционных приёмов). А вот у "космонавтов" будут проблемы с рвением при выполнении приказа (если командиры вообще смогут отдать такой приказ после "братания" всерьёз) по той простой причине, что они, по понятным причинам, не столь "ветрены" и переменчивы в чувствах, как чисто эмоциональная, женообразная толпа.
Простейший способ приучения толпы к виду «космонавтов» - это приказ «космонавтам» вместо рассеивания агрессивной массы заниматься её постепенным вытеснением со стратегически важной площади. В случае, если революционеры имеют достаточно серьёзные возможности, а толпа достаточно труслива, то для приучения массы к «космонавтам» используется палаточный лагерь. Находясь определённое время на глазах у «космонавтов», но не ощущая на себе никаких серьёзных последствий, демонстранты постепенно убеждаются в своей значимости и даже неприкосновенности, спешат доказать самим себе то, что они «уже не бояться», «теперь могут», имеют «особенные, благородные (то есть неприкосновенные) лица». **Самым важным результатом таких мероприятий становится деморализация «космонавтов».** Не будучи уверены ни в том, какой командир на самом деле будет отвечать за их действия, ни в своём превосходстве над толпой (которая безнаказанно торчит у них под носом), они сами превращаются в истеричную толпу.
Тут то и вступает в дело агентура революционеров (в самом бюджетном варианте она совпадает с агентурой службы собственной безопасности). Стоит толпе собраться, разозлится и кинуться на космонавтов, как ряд сотрудников впадает в панику, отступает и увлекает за собой товарищей. Причём действия паникёров оказываются более слажены и последовательны чем действия командиров. Специальную (тайную) вертикаль паникёров ведь никто не разрушал.

Как разворачивают спецназ

Как только речь зайдёт о роли спецназа в революции, многие тут мне укажут, что спецназ является ключевым элементом революционного заговора. Соответственно, разговор повернётся в «рейдерский» аспект революции, которого мы тут договорились не касаться. Здесь мы говорим только о роли толпы и работе революционеров с толпой.

Однако во избежание недоумений, всё же упомянем, что, да, конечно же спецназ используется для непосредственного захвата власти революционерами. Но это очень специфический, отдельный, часто специально выращенный для этой цели спецназ. Для этого спецназа возбуждённые массы в городе - только предлог для прибытия в столицу (или выхода на важные объекты, если он уже дислоцирован в столице) для захвата власти. Мы здесь говорим не об этом спецназе, а о том, который бегает за оппозиционерами по улицам. Этот спецназ, как мы помним, в карательной акции должен нейтрализовывать опасных активистов, действуя в том числе, и через строй «космонавтов». Для революции этот спецназ опасен не столько этим (если толпа мнёт «космонавтов», захват лидеров ожесточит её и заставит быстрее двигаться к политически значимым объектам), а тем, что его можно использовать в качестве заградотряда по отношению к «космонавтам». Чтобы этого не произошло, спецназ надо разложить. Для этого агентура революционеров из числа самых авторитетных спеназовцев обнаруживает своё негативное отношение к участию в карательных акциях. Хорошо работает также частое упоминание того, что у данного спецназа «другие задачи». Даже если задачи очень сходные, бойцы всё равно будут придумывать отличия, чтобы оправдать своё негативное отношение к тому, чем приходится заниматься (карательными акциями). Если в результате спецназ будет хотя бы *не очень выкладываться* на задержаниях оппозиции, цель достигнута.

Но этого, как водится, «маловато будет». Конечно же, у революционеров есть *целиком свои* подразделения спецназа, хотя обычно и малочисленные. Тех их них, которые участвуют в подавлении революции, обычно используют для обеспечения безопасности лидеров оппозиции. Ну или фильтрации лидеров оппозиции с целью выдвижения наиболее агрессивных и потенциально лояльных революционерам.

Тут, конечно, возникает вопрос «как это возможно?». Ведь руководство карательной операции как раз настроено использовать эти подразделения против оппозиционных лидеров. Ну так революционеры и используют их именно в этом направлении. И все нужные революционерам лидеры целыми и невредимыми добираются до толп, которые им надо возглавить.

Происходит это совершенно элементарным образом. Причём совершенно никакого значения не имеет, действуют ли революционные спецназовцы одни или совместно с контрреволюционными. Дело в том, что в отношении намеченных к спасению оппозиционных лидеров они проводят мероприятия по эвакуации особо ценной агентуры в особых условиях. Думаю, понятно, что зачастую эти самые оппозиционные лидеры и являются особо ценной агентурой. Но здесь это никакого значения не имеет. Для спецназовцев главное - их спасти.

Кстати, в большинстве революций все бумаги на случай, если кто проявит интерес, в абсолютном порядке и действуют-то революционные спецназовцы по прямым и вполне легальным (хотя и сверхсекретным) указаниям своего руководства. Спасать сверхценную агентуру действительно надо, с этим трудно поспорить. Секретность и таинственность агентурных мероприятий тут работает на революционеров и позволяет им отпускать тех кого надо, буквально отъехав за квартал или даже спрятавшись за углом.

Как ликвидируют альтернативную толпу

В случае если альтернативная толпа состоит из контингента, набранного наскоро самими революционерами в силу их официальных служебных обязанностей в спецслужбах или же из военнослужащих, то её ликвидация проблем не составляет. Революционерам достаточно выбрать из этой толпы двух-восьмерых более-менее способных, и поручить им продемонстрировать связь с режимом. Годятся и интервью про «сколько заплатили», и

громкие разговоры при прохожих про «где и как записываться», не говоря уже о классическом приходе на митинг оппозиции для публичного покаяния.
С военнослужащими ещё проще: некоторое их число должны прийти с «элементами военной формы одежды». При взгляде на толпу, в которой у отдельных участников из под одежды явно видна единообразная военная форма (а если с эмблемами одного подразделения - это вообще шик) вопросов, как говорится, не остаётся.
Более сложную задачу представляет собой ликвидация альтернативной толпы, набранной по принципу наличия кланово-клиентальных связей с верхушкой режима. Тут опасность состоит в том, что режим используя свой административный ресурс может элементарно если не запретить полностью, то по крайней мере сильно ограничить инфильтрацию спецслужб в такую толпу. Тут революционеры действительно сильно рискуют.
Во-первых, такая толпа способна расправится с революцией без всяких других государственных приёмов. Конечно, это будет в формате погрома и «на грани гражданской войны», но режиму в условиях смертельной угрозы приходится выбирать между гуманитарным имиджем и жизнью.
Во-вторых, в случае если революционеры вопреки административным запретам режима всё-таки начнут просовывать в такую толпу свою агентуру, они вынуждены будут фактически себя выдать. Дело в том, что движение масс агентуры - это процесс хоть и тайный, но бюрократический. Как только начнётся бюрократическое оформление, мало-мальски дееспособный режим не сможет этого не заметить со всеми вытекающими последствиями. Поэтому революционерам в этом случае приходится проводить реально тайные (с риском) операции по поспешной вербовке бригадиров, контролёров и кассиров (проще говоря, управления) альтернативной толпы[1].
После того как необходимое количество (сообразно с прогнозируемыми размерами первоначальной альтернативной толпы) толпоуправленцев завербовано, наступает собственно этап ликвидации. Технически он не отличается от разрушения государственного управления на территории, которую предполагается подарить противнику в ходе договорной войны. Разница лишь в том, что мероприятия осуществляются в сверхкороткие сроки.
Если коротко то, руководители альтернативной толпы начинают демонстрировать презрение к своим подчинённым, присваивать деньги очевидно заметными способами (или делать вид, что присваивают, если выстроенная система не допускает этого сверх нормы), подавать пример неявки и уклонения от акций.
В случае если альтернативная толпа отстроена жёстко и сразу к такому явному вредительству перейти не получается, начинают с малого. Например, показывают подчинённым, что боятся выйти на улицу в тёмное время суток или дают понять, как им стыдно идти на очередную акцию.
Хороший, быстрый способ разрушения альтернативной толпы – это, используя управленческую власть, наказывать всех подчинённых проявляющих рвение или добивающихся каких-то успехов. При решительном осуществлении этот способ разрушит альтернативную толпу (а вслед за ней и режим) раньше чем успеют принять хоть какие-то меры. **Любое управление держится на том, что «начальник всегда прав», но этим же оно и разрушается.**

Как используют уголовные бесчинства

Мы уже говорили ранее, что преждевременное разворачивание уголовного шлейфа революции самим революционерам крайне нежелательно. Если революция разворачивается по нормальному сценарию, начало уголовной феерии означает, что власть уже захвачена и новый режим перешёл к заметанию следов прихода к власти.
Но не всё в руках революционеров. Старый режим тоже может сопротивляться. Погромы с корыстными целями тут ему будут очень кстати.
Но у революционеров на этот случай есть контрприёмы. В случае если существует хоть какая-то вероятность начала уголовных погромов, их приходится провоцировать на

опережение. Главное — широко освещаемый публично арест всех участников и зачинщиков. После такой демонстрации появляется практически гарантия, что до команды со стороны революционеров погромы не начнутся. Опять же и возможность показать кого-нибудь из революционных генералов в качестве защитника населения от уголовного беспредела – отнюдь не лишняя.

В случае, если режиму всё же удаётся переиграть, и начавшийся погром утягивает на себя мобилизационный ресурс революционной толпы, революционерам приходится туго. Но и тут им нет причин отказываться от своих планов. Вся революционная агентура, какую только удаётся привлечь, отправляется на место погромов. Там необходимо сделать всё, чтобы внушить толпе, что у режима накоплены ещё большие и ещё более доступные сокровища. Понятно, что эти сокровища всегда оказываются в месте, где наиболее удобно провозгласить захват власти «восставшим народом».

Ещё некоторую пользу из массовой уголовщины революционеры могут извлечь используя криминальные трупы, но об этом по порядку.

Как обходят низкий авторитет толпы

Допустим режим всё же имеет некоторый запас жизнеспособности. Значит толпа, собираемая в столице, будет упреждающе дискредитирована. Не важно, что это за столица - государства или отделяемого региона, в любом случае всё окружающее население будет относится к этой толпе с враждебностью, даже и более того. Жители того же города - и то будут с неохотой сочувствовать собирающейся толпе.

Революционеры, конечно же, готовы к такому развитию событий (недаром же они работают в спецслужбах). Ударная группа толпы (та, которая заранее тренируется для прорыва строя «космонавтов») завозится из отдалённого от столицы города. В этом месте начинается, как говорится, настоящая «романтика революции». Эта группа (а она должна быть иной раз весьма многочисленна) должна быть заранее зачищена от более-менее решительных агентов режима. В кризисной ситуации не должно быть ни одного участника группы, способного сорвать революционный сценарий.

Ну, а самая романтичная часть — это доставка группы в столицу. Для того, чтобы полностью исключить срыв задачи этой группы, её в течение всего пути, обычно до самой площади сопровождают сотрудники спецслужб. Во время последней революции в Белграде революционерам не удалось набрать расчётное число людей, необходимых для прорыва. Для компенсации малочисленности с собой взяли строительную технику — бульдозеры. Можно представить каково было беспрепятственно доставить такой караван в столицу. При свержении более-менее жизнеспособных режимов доставка ударной группы это, пожалуй, единственный неотъемлемый элемент «революционной романтики». Судя по тому, что в последних революциях его одинаково применяли в Белграде и Бишкеке (то есть довольно различающиеся по происхождению революционеры), ему ещё не скоро отправляться на музейную полку.

От романтики перейдём к революционной прозе. Как придать толпе достаточную убедительность? Как вызвать сочувствие населения? Где сочувствие, там и согласие. **А кроме согласия на провозглашение новой власти революционерам ничего больше и не нужно.**

Понятно как добиться согласия — «нужна жертва». Несправедливо или несоразмерно наказанных любит любой, даже самый морально развращённый народ. Конечно, при нужном ракурсе наказания в условном «телевизоре».

Самый технически простой приём - это использование криминальных трупов. Мы об этом уже говорили. Ну в этом случае основная революционная работа ложится на средства массовой информации. Революционерам по различным причинам может быть невыгодно возлагать столь большую ответственность на СМИ. Значит, желательно обойтись чисто революционными силами.

Достаточно легко приказать какой-либо части «космонавтов» атаковать часть толпы, а затем, когда демонстранты получат достаточно тяжёлые повреждения, приказать отойти.

Побитым демонстрантам (если не удастся подставить достаточно слабых), действующая в толпе агентура революционеров может помочь умереть. Коль до этого дошло, можно считать, дело сделано — разъярённая трусливой жестокостью (не забывайте, после нанесения побоев «космонавтам» даётся команда отойти или остановиться) толпа с радостью порвёт всех кто встанет у неё на дороге.
Но не всегда революционеры имеют непосредственный контроль над командирами «космонавтов». Кроме того, режим может отдать «космонавтам» приказания однозначно исключающие такие действия. Но и это тоже не беда для революционеров. Вы никогда не задумывались, почему все полиции мира постепенно отказались от применения против толпы огнестрельного оружия? Даже травматического. Почему практически не применяют другие современные «нелетальные» средства (ту же «мыльную пену»: на этой «мыльной пене» демонстранты начинают кувыркаться, не в силах не то что сделать шаг, а даже и подняться на ноги). Но почему-то абсолютно везде одно и тоже — те же унылые дубинки, водяные пушки и газ. Всё более менее современное «нелетальное» оружие держится в резерве, почти как огнестрел. Даже водомёты вступают в дело только когда не хватает «космонавтов».
Почему так? Потому что на основе очень многих примеров, в том числе из очень недавней истории, полиция знает, что **нельзя применять оружие превращающее демонстранта в *беспомощную и беззащитную жертву* в глазах «народа» (телезрителя)**. Если такое оружие применено, то надо идти до конца — не считаясь ни с какими последствиями превращать разгон демонстрации в бойню.
Именно поэтому правящие режимы выиграли на Тяnaньмэнь, в Москве-93 и Андижане и позорно слили в Бишкеке, Петрограде-17 и Бухаресте. Возможно стрельба из гранатомётов по окнам студенческих общежитий в Пекине и была перебором, но для победы китайским коммунистам нужно было как минимум прострелить ноги каждому, кого они могли заподозрить в участии в революционной толпе. Что и был сделано.
Всё сейчас сказанное требует от революционеров высочайшей квалификации аналитиков-прогнозистов. Иногда такую квалификацию может заменить заговор в непосредственном окружении руководителей старого режима, но это крайне редко. Одно дело отдать приказ избить и отступить, другое дело - отдать приказ застрелить и спрятаться. Последнее намного сложнее. Поэтому революционерам, если они решаются пойти на «огнестрельную жертву», приходится разыгрывать целые драматические постановки.
Самый незамысловатый сценарий такой постановки: оперативник в штатском вынужден применить оружие по толпе для спасения жизни какого-нибудь беспомощного лица (женщины, инвалида, ребёнка и т.п.). Жертва может быть разоблачена или «разоблачена» как агент режима или мародёр или кто угодно. Главное, чтобы оперативник или постовой на охране сверхважного объекта (у всех других оружие полагается отбирать) вынужден был бы применить оружие.
Как легко находят средства
Если оппозиционное движение закрыто для доступа средств из-за границы или этих присланных средств (как всегда) оппозиционерам не хватает, они вводят «революционный налог». Система может быть и громоздкая , но в долгосрочном плане очень выгодная. Кроме обеспечения оппозиции деньгами на карманные расходы, **она ещё и приучает население повиноваться новой власти.**
Но зачастую революционерам требуется срочно организовать оппозиционный митинг (для получения жертв или для использования в пиаре будущей революции или ещё зачем-то). А деньги на оснащение этого митинга как назло перехвачены режимом. На этот случай революционерам приходится разрабатывать достаточно сложные схемы. Обычно революционерам приходится внедряться в какой-либо крупный коррупционогенный проект. Не исключено, что такой проект им придётся выдумывать самим. Например, начать какое-либо крупное строительство. Непосвящённому наблюдателю в таком проекте в глаза могут бросится две вещи: минимальное воровство (при явной коррупциогенности или

коррумпированности) и/или совершенно явное воровство какого-либо глуповатого чиновника (участника проекта). В обоих этих вещах нет абсолютно ничего удивительного — и то, и другое суть формы запасения спецслужбами значительных средств на случай внезапной необходимости совершить революцию.
Интересно, что хотя во втором описанном нами случае чиновник может быть только прикрытием для революционеров — это не единственный вариант. Возможно чиновник будет воровать прямо в свой карман, но при этом вся схема будет детально известна спецслужбам (поэтому и специально оговариваю, что чиновник должен быть явно глуп). В час когда революционеры вдруг почувствуют острую нужду в деньгах, чиновник окажется за бортом, а деньги потекут прямо на оплату революции.

Выводы для оппозиционеров

Из всего того, что мы здесь с вами рассмотрели, честный оппозиционер-идеалист может сделать вывод о бесполезности своей борьбы.
И будет категорически неправ.
Конечно, неприятно быть игрушкой в руках революционеров из спецслужб. Ещё более неприятная, к тому же и опасная позиция - пытаться идти с ними на непосредственное сотрудничество. Такие революционеры в любой момент могут обернуться контрреволюционерами, а точно предсказать изменения их состояния оппозиционер не может — для этого нужно отслеживать массу нюансов, что непосильно для отдельного человека. Времена переговоров и торгов между революционерами и оппозиционерами давно и безвозвратно ушли.
Гораздо правильнее угадать-вычислить, что именно в наибольшей степени интересует революционеров. Так сказать, их «программные задачи» в ходе основных этапов революции. Затем нужно стараться этим задачам поэтапно соответствовать, не входя в личное (и особенно тайное) общение с революционерами. Как мы уже не раз здесь упоминали, после революции возникает острая необходимость прикрыть подробности широкомасштабными шумными акциями и провокациями. На этот период спецслужбы-революционеры вполне могут дать порулить честному покладистому идеалисту (лишь бы не интересовался ничем лишним).
И тут уже только от него будет зависеть сможет ли он использовать (а то и перехватить) данную ему власть и сделать нечто полезное для народа.

---

[1] Здесь мы не будем тратить время на описание подробностей, напрямую не связанных с работой с толпой. Для себя следует отметить, что то, что показывают в шпионских боевиках, даёт лишь самое бледное представление о таких операциях - даже при лакировке фильмами ужасов.